

«...и сказали Ему... какою властью Ты это делаешь или кто дал Тебе власть сия?»
Евангелие от Луки.

Илья Сергеевич грустно улыбался. В квартире охалки цветов напоминали о прошедшем юбилее. Илья Сергеевичу — 60. Но юбилар был невесел. Он кинул взгляд на представителя ордена иезуитов, сидевшего в гостиной за круглым столом.

— Падре приехал от самого папы римского на открытие моей выставки. А веришь ли, папа переносится. Министр Губенко, видно, не хочет, чтобы Глазунову аплодировали от лица папы римского. Разве так поступили бы с Шмакиным или Эрнстом Неизвестным? Кто-то говорит, для того, чтобы министр вовремя открыл выставку, мне нужно было в свое время с третьей волной эмиграции уехать за границу и вернуться. Тогда бы меня встречали, как героя, и мою палитру бы с кистями несли за мной, как за Ростроповичем виолончель. Чтобы иметь счастье показать свой скромный труд, я должен буду заплатить 250 тысяч рублей за амортизацию Манежа. У нас любят похоро-

художеств. В зале захопала, затопали... «Академия будет!» — это бросил Глазунов, уходя со сцены. Художники, не выбрав Глазунова делегатом съезда, словно отказывали ему в профессиональном достоинстве.

Да, в зале сидело немало хороших художников, но их не знали... не почитали, как этого «высочку», умеющего выживать при всех режимах...

Говорят, что нужно сказать все — и не попасть в Бастилию.

Глазунов не любил не только за то, что он умел сказать...

Не любил и за то, что умел не попасть в Бастилию.

Послом русской культуры в Советском Союзе назвал его один американец.

Существует мнение, что Глазунов создает академию в погоне за славой. Но создать академию — это построить нечто вроде пирамиды Хеопса. Каждый бы так гнался за славой — и нам бы что-то перепало. Ведь суриковский институт напоминает последние времена университета имени Патриса Лумумбы.

...Знаменитым Глазунов стал после первой своей персональной выставки. Она про-

в книге отзывов, в эпоху рыб, набравших в рот воды, когда русский боялся называться русским, а еврей — евреем. На недавней пресс-конференции Глазунов сказал, что у Израиля нужно учиться быть нацией, а не строем.

— Когда меня принимали в академию, — вспоминал художник, — и прокатили в очередной раз, во время обсуждения встал один известный скульптор и сказал: «Я против Глазунова потому, что Глазунов — националист и антисемит». Тогда встал другой скульптор и сказал, что не надо так утверждать, потому что Глазунов — интернационалист: он был во Вьетнаме, оформил спектакль в еврейском камерном театре. Антисемит — тот, кто борется против еврейской культуры, а Глазунов борется «за русскую культуру». Тогда встал третий человек и дополнил высказывание: «Я, советский еврей, видел спектакль, оформленный Глазуновым. Так мог оформить только сионист».

— Но вы же против левого искусства? — уточняли артисты.

Мне нравится поэзия Гумилева, и я люблю левое искусство, но не левое сердца.

Фрагмент картины «Великий эксперимент».

Илья Глазунов: «Возьмите кисть — напишите лучше!»

ронить, а потом плакать, как на могиле Высоцкого.

В джипе выстроилась очередь, и книга отзывов записала восторженными и ругательными вперемежку. Среди них не было. «Нью-Йорк геральд трибюн» 7 февраля 1987 года писала: «Вокруг Глазунова идут жаркие споры. Он знает, что его первая персональная выставка определит судьбу. Будет ли он известен, войдет ли в советское искусство, зависит от реакции критиков. Они могут уничтожить его, наклеив ярлыки «буржуазности», или поддержать, объявив социализмом».

Его учитель Иогансон написал, что это «недоучившийся студент, возмнивший себя гением». Хотя Глазунов доучился и даже получил «тройку» за диплом и распределение учителем черчения и рисования в Иваново. Была ли эта оценка красной пеленой его творчества или это было что-то вроде «возмездия» за успех, но стена неприязни художником Глазунова возникла уже тогда.

— Накануне очередного съезда художников, — рассказывал Алексей Аджубей, — Хрущев проводил совещание в ЦК партии. И вдруг присутствующие художники во главе с Герасимовым начали нападать на Глазунова.

Хрущев их одернул: ведь этот молодой художник — даже не член союза. Но определение «глазуновщина» с их уст сорвалось уже тогда.

Илья Сергеевича никак нельзя причислить к людям, мирящимся с обстоятельствами. Он шел не всегда прямыми путями, но когда росток, пробиваясь от земли через асфальт, искривляется, то причина его искривленности — не в стебле, а в асфальте.

Портрет Джини Лоллобриджи он писал в снимаемой на Кутузовском проспекте комнате под мастерской. Было это во время международного кинофестиваля. На сеанс из ее программы «выкрикнул» три часа. Глазунов писал портрет соусом. Актриса попросила сделать маслом. Глазунов сказал: «Либо остаюсь, либо я приезжаю в Италию».

После сеанса стали фотографироваться. И тут Фурцев, по словам Глазунова, и «обжал» на поездку.

В Италии он написал портреты Феллини, Мазини, Висконти... Вот вам и ленинградский сирота... Вот сам в своем отечестве нет пророков.

В Москве тогда поползли слухи, что покровительствует Глазунову Италия благодаря его жене, Нине Виноградовой, из рода Бенуа. Потомок Бенуа был главным художником «Ла Скала».

Говорят, что его жена «он nature была тыньша, а он сильнее». Но, служа ему, — по словам Владимира Солоухина, — она же, конечно, служила идее. Если бы он как-нибудь копсеч лепил-рисовал, то вряд ли она была рядом...

Своим творчеством Глазунов ставит на повестку дня «русский вопрос», и это вызвало отчаянные споры.

— Считаете ли вы, — спрашивали у Глазунова на встречах с художником зрители, — что русская культура уничтожилась сознательно?

— Да, — отвечал Глазунов. — Что это за сила?

— Та, что уничтожала другую национальную культуру. В Италии под видом реставрации считались фрески.

— От чего произошло такое понятие, как русофил?

— От умаления национального и самобытного. Русский народ был долго донором нации.

— Какое высказывание вам дорого?

— Столыпин сказал: вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия.

Глазунов, поднимая «русский вопрос», заострял и другие. И это, как писал зритель

— Не кажется ли вам, что ваш спор о России похож на паныхиду?

— Паныхиды поют по усопшим — мы еще живы.

Самым парадоксальным художником назвали Глазунова американцы. Интерес, как к летающим тарелкам.

Однажды мы разговаривали с Глазуновым в его знаменитой башне — мастерской, внутри кажущейся храмом, если бы не эти соиски, с апетитом поглощаемые гостями под скорбными взглядами святых на иконных досках.

И иностранный журналист, приехавший красное вино, принесенное с собой (Глазунов не пьет), мучился вопросом, почему у Глазунова такая сногшибательная популярность. Кич?

Небезызвестный Урмас Отт, все добивающийся у Глазунова, миллионер он или нет, поведал, что Глазунов на четвертом месте по популярности в мире, если считать на первом Сальвадора Дали.

Оба художника повели себя, как лучшие ученики дьявола: они слишком вызывающе о себе заговорили. И каждый в меру своего таланта притянул к себе славу и обратил внимание на свою «страну грез». Но Дали, извлекая на полотна спор, расек кистью космос, Глазунов — историю.

Говорит, одно время книга отзывов уходила «на верха», и по ней изучали отношение народа к России. За любовь к России его сторонники готовы были простить художнику любые промахи.

По четвергам в Манеж к зрителям приходил на расправу сам автор.

— В вашей картине есть недостатки, — замечали зрители относительно изображенного художником крестного хода, — вы упустили большого человека. Это — великий князь Сергей Александрович, сын Александра II. Его убили, когда он был наследником. Вся семья возлагала на него надежды.

— У нас все правители были мудрыми, — отвечал Глазунов, — Россия никогда не была тюрьмой народов. Мы создали огромную империю не колониальным, а мирным путем. К нам все тянулись. Быть в составе империи почитали за честь. И каждый член царской семьи достоин исторического портрета. Мы не торговали, как американцы, неграми. Губернатор-французов палкой нельзя было выгнать. Швейцарцы открывали двери, поэтому название «швейцар» осталось. Финны в Петербург молоко привозили...

— Какая опасность сейчас угрожает России?

— Опасность, которая у всех на глазах: исчезновение России как великого духовного национального мира. Русские больше всего пострадали в ходе великого эксперимента. Среднюю Россию нарекли Нечерноземьем. Это унижение. Еще с прописной буквы пишут. Это Нечерноземье кормило весь мир хлебом. Это — великая Россия. Что за привычка клички давать — и определять их взглядом поч.

С утра до ночи в квартире Глазунова толкутся люди, нужные, ненужные, высокопоставленные... Такой образ жизни может вызвать зависть только у непосвященного. Пик его рабочего времени приходится на вечер. Засыпает он после полуночи, но без сновидений. Вчерашний Глазунов несколько не похож на сегодняшнего: мрачность может переходить в веселость, веселость — в язвительность... «Он, как дрожжи, — обмолвился Солоухин, — в чистом виде его есть нельзя, но он нужен России...»

Было время, когда защитников памятников Москвы пытались дискредитировать, как мешающих строить коммунистический город. Поллиансе интеллигентной пис-

мо об охране памятников столицы Хрущев порвал с гневом, людям, мол, жить негде, а вы о каких-то памятниках печетесь.

Когда Хрущев докладывал Сталину о протестах по поводу сноса старинных зданий, Каганович советовал взрывать их ночью...

...Ночью, вспоминали очевидцы, уже в брежневские времена, снесли один из флигелей старинного здания, что возле станции метро «Кропоткинская». А наутро народ встал перед бульдозером и стоял, пока Глазунов мотался «по кабинетам» и пока не пришла команда «здания не трогать».

Это не без участия Глазунова при Комитете защиты мира была создана секция по охране памятников, не без его помощи было принято постановление об охраняемых зонах столицы... «Условия были льготные, — сказал один из членов ВООПИК, — шли на все. И чувствовали на это право. Потому что защищали «не населенный пункт, построенный архитектором Посохиним, а зданиями Москву».

— Как вы относитесь к обществу «Память»? — спросил Глазунова на встрече в Манеже.

— Этот вопрос уже осточертел. Я к обществу «Память» не имею никакого отношения. Я сам себе память.

Но если это провокационный вопрос «Памяти», отвечу: будь я членом, она бы орудовала поумней.

— К какому лагерю вы себя относите? Обидно, если вы разойдетесь с русскими писателями...

— С русскими писателями я не расходился. Я — один из немногих — плохо ли, хорошо, — сделавший много иллюстраций к русским писателям. Но меня все куда-то хотят загнать: раньше хотели, чтобы я был членом партии, потом «Памяти», потом в каком-нибудь блоке. Я дружу с Распутным, Коротичем, Деметьевым, Солоухиным... Да, да: у каждого свой путь... При царе был съезд русских художников, на нем выступали Репин и Кандицкий. Спорили, а потом расходились и творили. У нас это проклятое вдовбленное понятие классовой борьбы требует всегда кому-то и чему-то принадлежать, к какой-нибудь первичной организации. Я никому и ничему не принадлежу. Я боюсь только Бога и совести.

— Как вы относитесь к предпринимательству?

— Что сделал бы Третьяков без своей фабрики? Да без его фабрики не было бы Третьяковки.

— Как вы относитесь к стремлению различных республик выйти из СССР?

— Если пришли гости и хотят уйти, то зачем их задерживать? Но уход, не прихватывайте люстру хозяйина или шубу. Нам очень многие задолжали благодаря коммунистическому господству в нашей стране. Нельзя распоряжаться национальными богатствами во благо мифа об интернациональном значении.

— Вы известны как знаток мASONства...

— Я не согласен, что я самый большой знаток мASONства.

— У вас любопытная философия...

— Я о своей философии никогда не заявлял. Моя философия — в постулатах православия...

— В «Великом эксперименте» вы пришли от голубого неба к голубому экрану телевизора. Чтобы вернуться к голубому небу, нужно снова пройти через эксперимент?

— Через возрождение всех исторических основ русского народа. Небо и сейчас над нами. Прочтите Ключевского про Сергея Радонежского, спасшего Россию от азиатского нашествия. Пробьет урочный час, и поколения новых людей выведут нацию с временно покинутой историче-

ской дороге. И сегодня свечки над ракой Сергея Радонежского горят, как никогда.

...Если бы Глазунов стал объяснять всем, почему он такой, а не другой, от него бы давно осталась «горстка пепла». Всем, кто его не принимает, он говорит: «Возьмите кисть и напишите лучше» — и ищет контакт с теми, кто его принимает. Собирается писать портрет папы римского, принца Люксембургского. Американцы предлагают купить все его работы, Германия дает миллион марок за «Мистерию».

Лишь два года назад «Мистерию» разрешили выставить.

И мало кому известна история, почему ее не выставляли.

Конец семидесятых... Выставка должна была проходить на Кузнецком мосту. Но за четыре часа до открытия разыгралась драма.

...На Кузнецкий постоянно звонили. Глазунов был дерган и зол.

— Переписывать Солженицына на Брежнева не буду!

...Когда Солженицына за публикацию «Архипелага» специальным самолетом вывезли за границу, на 56-м году жизни, вместишей работу, жизнь в лагерях, войну, болезнь, клевету, травлю, в прессе пошли обличительные подвалы. Пригласили и Глазунова в одну из центральных газет, чтобы он подписался под возмущенной статьей. Глазунов попросил дать почитать «ГУЛАГ». «А другие и так подписывались!» Видимо, они читали, — сказал Глазунов уже в дверях. Он возвращался к себе на Арбат, увидел в одной из витрин на плакате, символизирующем дружбу, дети, взявшиеся за руки, шли в национальных костюмах, и только русский мальчик шел в шортах, белой рубашке и пионерском галстуке. И когда в «Мистерию» он написал Солженицына под возмущающимся в гробу Сталиным на катафалке из Бранденбургских ворот, несомненно, видел в образе писателя трагическую судьбу русского самосознания, а в мальчике, увиденном на плакате, — ее последствия.

Раздался звонок от Шелюкова.

— Все, что ты заработал, — услышал Глазунов, — у тебя отберут. Дети пойдут по миру.

Глазунов побледнел, вокруг рта у него образовался белый треугольник, и он стал задыхаться на пол...

Глазунов писал портрет Шелюкова, но сам Шелюков портретом был недоволен, то и дело подбегал к колосту. Разве у меня такие тонкие губы? И уши топорчатся? И требовал переделывать заново. На портрете выходил холодный царедворец с ледяным разрезом тонких губ и взглядом Малюты Скуратова.

Часа в три дня стали подвезать письма. Миллионеры у входа отбирали пригласительные билеты, сообщая, что открытые выставки не состоятся.

Скандал вокруг «Мистерию» обнажил двуединый вопрос: кто показывает и кто прячет художника Илью Глазунова, но загадки не дал. Один человек, увидев на «Мистерию» портрет самого Глазунова с палитрой, зеркальной палитрой в руках, в которой отражается каждый смотрящий ее, назвал картину «Мифией XX века».

Два года назад «Мистерию» разрешили выставить. Ночью на афишах Дворца молодежи, где выставка проходила, крупно вывели: «Бей Глазунова».

Та же надпись появилась и нынешней весной во время предвыборной кампании.

Так что слухи по поводу смерти художника, видимо, преждевременны.

Т. ХОРОШИЛОВА,
Г. РЕЗАНОВ.